

О. Н. Скибинская

Формирование доминант патриархального рода в культурном поле провинции

Обосновывается концепт *хронотоп рода*, через который исследуется культурно-историческая трансформация патриархальных родов российской провинции XVIII–XX вв. Топос рода рассматривается как совокупность пространств: социокультурного, экономического, географического, юридического. Дифференцируется макро- и микрохронос рода. Качественное наполнение хронотопа рода определяется реализацией потенции рода, то есть созданием доминант патриархального рода. Анализируется влияние на *хронотоп рода* биннома «столица-провинция» и кризисного опыта рубежей.

Ключевые слова: хронотоп рода, тоpos, макрохронос, микрохронос, патриархальный род, доминанта, потенция рода.

O. N. Skibinskaya

Formation of the Patriarchal Family Dominant in the Province Cultural Field

We introduce the concept *chronotope of family* as a sort of central in the study of cultural-historical transformation of patriarchal family in the Russian province in XVIII–XX century. Topos of the family is considered as a collection of spaces: sociocultural, economic, geographic, and juridical. We differentiate macro- and microchronos of the family. The qualitative content of the family chronotope depends on potency of the family (a dominant of the patriarchal Family). The author analyzes the impact of binomial "capital-province" and crisis experience on the *chronotope of the family*.

Keywords: chronotope of the family, topos, makrochronos, mikrochronos, a patriarchal Family, a dominant, potency of the family.

Для исследования культурно-исторической трансформации рода в качестве основного концепта мы вводим *хронотоп рода*, который рассматривается нами как существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений. Эта категория имеет ключевой характер для всех уровней и аспектов изучения родов податных сословий, которое систематически никогда не велось отечественной исторической наукой ни в Российской империи, ни в СССР.

Топос рода мы рассматриваем как пространство: географическое (административные границы конкретного уезда, села, города, губернии); социокультурное (религиозно-философские доминанты, среда проживания, образ жизни, отношение к образованию, трансформация биннома «столица-провинция», особенности функционирования в условиях конкретной исторической ситуации и в социокультурном опыте рубежей); юридическое пространство (существование в рамках крепостной зависимости, в условиях формирования функций местного самоуправления, сословных ограничений, норм административного и уголовного права, репрессий в СССР и т. д.); экономическое (двор в эпоху крепостного права, домовладение, патриархальная семья как экономическая ячейка общества, гильдийные ограничения для купечества, социальная ответ-

ственность частного бизнеса и благотворительность, национализация, политика «военного коммунизма», нэп). В связи с особой актуализацией с конца XX в. в социально-культурном измерении "memoiry reseach" в контекст топоса рода вполне legitimately ввести и «мемориальное пространство» [1].

Что же касается хроноса рода, то в первом приближении он определяется природно-биологическими ритмами, ибо «...невозможно не соотносить свои действия с графиком, который диктует природа, не заглядывать вперед, с тревогой ожидая заветного часа» [2, с. 24]. Хозяйственный уклад на протяжении столетий оставался неизменен: зима – по преимуществу сезон работы ремесленников; ранняя или затянувшаяся весна отражалась на урожаях, на продолжительности судоходства, а значит, на уровне цен и доходности семейного дела. В своем крайнем варианте вспышки эпидемий среди населения в сочетании с высокой младенческой и детской смертностью прерывали целые родовые ветви. Биологические ритмы диктуют время наступления брачного возраста и создания семьи и т. д. Со второй половины XIX в. документально зафиксированы заболевания, передававшиеся затем в роду из поколения в поколение («сердечная жаба», «рак»).

Однако календарно-хронологическая система имеет традиционно сложившиеся ограничения: во-первых, ее вектор необратимо направлен от прошлого к будущему; во-вторых, она лишена качественных характеристик и многомерности. В контексте хронотопа рода нас интересует не просто «повторяемость», биологическая, генетическая воспроизводимость, а «особая открытость к продолжению» [3, с. 115], созиданию доминант рода. Вот почему так важен аспект, обозначенный А. Л. Юргановым: «...человек сам создает мир и свое понимание времени в том числе» [4, с. 309].

Концепт хронотоп рода позволяет особым образом «актуализировать время, связав его “измеряемость” с самим человеком» [5]. На уровне не только обыденного сознания, но в массовом сознании (с учетом его ментальных особенностей) отражается особое восприятие времени, понимание его качественной неоднородности, измерение этого качества собственной деятельностью – физической или духовной, – и даже сакральная составляющая хронотопа рода. Пословицы запечатлели это знание: «Делу время, потехе час», «Час пробил», «Не время дорого, пора», «Век мой впереди, век мой назад, а на руке нет ничего», «Где родился, там и пригодился», «Душа меру знает», «Скороспелка до поры загнивает», «Тише едешь – далее будешь», «Мы не доживем до конца этой песни», «Без году неделя», «Не разом Москва построена», «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается», «Возвысил бог куликов род», «Отец отпоком щи хлебал, а сын в воеводы попал», «Последняя спица в колеснице», «Городское телятко умнее деревенского дитятки», «Из роду в род – тот же урод», «От худого семени не жди доброго племени», «Сын отцовского дегтя не заквасит», «Будто снова на свет народился» (В. И. Даль) и т. д. Вот откуда особое понимание судьбы как жизненного пути, в основе которого представление о некоей непостижимой силе, управляющей жизнью, или исполнение (неисполнение) предназначения свыше. Православная традиция этимологически истолковывает «судьбу» как соединение слов *Суд Божий*, фактически отсылая к *промыслу Божьему*. Отсюда смиренно-провидческое: «Что на роду написано». Так, «праинтуиция» (О. Шпенглер) обозначает: хронос рода не может определяться исключительно календарно-хронологическим измерением жизни, необходимо дистанцировать собственно упорядоченное время от времени, проживаемого

конкретным человеком, отдельной семьей, родом.

Мы дифференцируем макро- и микрохронос рода. Макрохронос определяет временные границы существования отдельных линий и рода в целом (в нашем исследовании – с конца XVII по начало XX в.). Конечно, обозначение истока рода по первому документальному упоминанию несет в себе изрядную долю условности, так как «первоосновы рода... снова и снова уходят от нашего лота в бездонную даль, в какие бы головокружительные глубины времени мы ни погружали его... ибо то, что не поддается исследованию, словно бы подтрунивает над нашей исследовательской неумностью, приманивая нас к мнимым рубежам и вехам, за которыми, как только до них доберешься, сразу же открываются новые дали прошлого» [6, с. 29]. Однако при определении макрохроноса для нас важнее другое. «Вещественность емкости покоится вовсе не в материале, из которого она состоит, а во вмещающей пустоте» [7]. Макрохронос рода выступает, таким образом, формирующим началом для «вмещающей пустоты», которую мы расцениваем как самую полную «потенцию рода» [8].

К микрохроносу рода в первом приближении мы относим даты и временные промежутки, связанные с жизнью отдельного персонажа, какого-либо значимого события из жизни семьи или поколения.

Однако будь то отдельные персонажи, будь то семьи из параллельно существующих родов, которые в нашем исследовании только во второй половине XX в. пересекутся в одном потомке, «одновременность и сосуществование всегда относительны» [9, с. 78]. Этот тезис более чем скромно расшифрован А. А. Ухтомским (и то на примере физиологии организмов). Известное толстовское «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» говорит, собственно, о том же: «относительность» хроноса определяется качеством существования рода, семьи, отдельного человека. Именно качественное наполнение хронотопа рода обеспечивает подлинную, а не только биологическую связь прошлого с настоящим, проявленность прошлого в настоящем и будущем. Несомненно, «ценность события в том, что оно стягивает в узел разрозненные значения» (П. Нора). Но главным показателем качества хронотопа рода, единственным средством преодоления «безнадежности безымянности» и раскрытия «непоэтаенности уже пребывающего» [7] является реа-

лизация потенции рода; событийная же наполненность хронотопа рода выступает далеко не основным подтверждением этой реализации. Реализация потенции рода определяется активностью созидания его представителями социокультурных, экономических, и религиозно-философских доминант рода.

Наши исследования доказывают, что хронотоп обретает различное качественное наполнение в каждом из исследованных нами родов. Так, восстановленный *хронотоп рода* помещичьих крепостных Смирновых, до середины XIX в. проживавших в деревне Вороново Романов-Борисоглебского уезда Ярославской губернии и занимавшихся обработкой земли, практически исчерпывается реализацией в пределах календарно-хронологической системы. Представители другого рода, из села Великого Ярославской губернии, будучи тоже помещичьими крепостными, издавна занимались кустарными промыслами, обзавелись собственными кожевенными фабриками, одна из которых выполняла государственный подряд на поставку сапог для русской армии в годы Крымской войны (1853–1856); во второй половине XIX в. выстроили собственные каменные дома, в начале XX в. заложили каменный сельский храм; пошивом и продажей обуви представители рода занимались по 1920-е гг. Представители третьего рода, рыббинские купцы и мещане Жилые-Жиловы с конца XVIII по начало XX в. обеспечивали поставку хлеба от Нижнего Новгорода до С.-Петербурга, все это время активно участвовали в местном самоуправлении, занимались благотворительностью, возведенные ими дома (в том числе по проекту К. Росси), мельницы, торговые ряды и т. д. формировали историческую среду [10].

Весьма своеобразно влияние на *хронотоп рода* бинома «столица-провинция». Городской топос давал бо́льший импульс для реализации потенции рода, чем топос сельский; топос столицы, в свою очередь, предоставлял возможность более полной самореализации, чем топос губернского или уездного центра. Однако независимо от того, проживали представители исследуемого рода в деревне, селе, уездном центре или столице, до начала XX в. сохранялась неизменной *самодостаточность существования* как одна из основных характеристик патриархального рода российской провинции.

Желая быстро составить значительный капитал, некоторые купцы уезжали из родного Рыбинска в С.-Петербург. Уезжали, чтобы через

несколько лет обязательно вернуться «в нежный покой провинции» [11]. Той же самодостаточностью объясняется довольно умеренное желание выровнять ход времени провинции по Санкт-Петербургу – лишь внешнее подражание столичным образцам: каменные дома не только в уездном Рыбинске, но и в с. Великом вдоль основных улиц строят вплотную друг к другу; в 1850 г. великосельские модницы предпочитают «следующий костюм: юбка, фартук и курточка или кофточка, называемая и всеми крестьянками, даже спензер!» [12, с. 168–169]. Но за кирпичными фасадами царит прежний провинциальный уклад, а под шелковистым цветастым поплином прежние «муки души – особенно трепетной и нервной оттого, что душа эта женская» [11, с. 79].

Еще одна характерная черта хроноса рода российской провинции: наш эмпирический материал, маркированный XVIII – первой половиной XIX в., демонстрирует *нев्यраженность поколений*. Под поколением мы понимаем «не столько хронологическую общность современников», или в нашем случае не просто ровесников-родственников из одного или нескольких параллельных родов, вписывающихся в традиционный интервал 25–30 лет, а, согласно критерию И. Кона, «духовную общность людей, которые выросли в одно и то же время и чей жизненный идеал сформировался под влиянием одних и тех же исторических событий», то есть в основе определения лежит «общность их жизненного опыта, их переживаний», которые и «порождают общий тип восприятия и шире – тип личности» [13, с. 109].

В провинциальных патриархальных семьях, как правило, объединяющих три смежные поколения – дедов, отцов и детей – идеалы «отцов» и «детей», они тождественны доминантам хронотопа патриархального рода. «Древние отношения отца и сына» не требуют приведения «в движение столетий», дабы «сбросить гнет мироздания» и одной из сторон «выступить в роли карающей десницы» [14, с. 51].

Понятно, что не вступивший в брак юноша (вследствие смерти, принятия пострига в добрачном возрасте и т. д.) прекращает биологическое продолжение данной ветви рода. Но как влияет на *хронотоп рода* создание новой семьи, то есть пересечение и слияние с хронотопом другого рода? Согласно результатам нашего исследования, до середины XIX в. по причине крайне низкой внутренней миграции населения Россий-

ской империи представители податных сословий заключали браки с односельчанами, крепостными того же помещика из ближней деревни, проживавшими на соседней улице представителями своего сословия (исключения крайне редки). А потому доминанты хронотопа патриархального рода практически не менялись. Следовательно, вступление в брак до определенного времени не приобретало травматичный, кризисный характер рубежности, если подразумевать под последним «начало или конец всякого определенного бытия; межу, отделяющую нечто от иного» [15].

Кризисный характер рубежности не отражается на патриархальном роде ни с переходом крепостных крестьян из статуса государственных в помещичьи, ни с продажей или переводом отдельной семьи из центральной части России на Урал, ни с отдачей крестьянских парней в рекруты на практически пожизненную воинскую службу (XVIII–XIX вв.), ни в связи с проведением екатерининских реформ 1770-х гг. Доминанты хронотопа рода остаются неизменными.

О первом кризисном опыте в контексте патриархального рода мы можем говорить применительно к рубежу 1860-х гг. – отмене крепостного права. Наши исследования показывают: хронотоп конкретного рода в дальнейшем трансформируется тем значительнее, чем меньше потенция рода была реализована к середине XIX в.

Кризисной для *хронотопа рода* стала отмена сословных ограничений в конце XIX в. Рубеж XIX–XX вв. (развитие общероссийского рынка, технический прогресс, Первая мировая война) углубляет эти последствия. Отныне «время сгущается, прессует человеческую жизнь» [11, с. 74]: резко расширяется географический топос – российские пространства впервые активно вторгаются в топос родов податных сословий, подвергая их немалому испытанию, прежде чем «открыть» свои преимущества; трансформируются социально-культурное и экономическое пространства; именно с этого рубежа в ментальном топосе рода формируется примат современного профессионального образования (дети получают образование не только в учебных заведениях губернских центров или в С.-Петербурге, но и в Европе). При этом наиболее значительная трансформация хронотопа рода происходит в городской среде. Предощущение апокалипсиса, гибели прежнего патриархального мира звучит в письме М. В. Жиловой (дочь рыбинского купца, после окончания Бестужевских курсов сорок лет проработала астрономом в Пулковской observa-

тории), датированном 1910 г.: «Наш знаменитый ученый-геолог Мушкетов говорит: “Волны песка гонят волны народов”... В настоящее время, мне кажется, пора сказать “волны народа гонят волны песка”» [16]. Катастрофическим же для доминант патриархального рода становится «хронотоп рубежа» [17] 1917 г.

Итак, содержательная составляющая *хронотопа рода* зависит от качественного наполнения микрохроноса рода и последующего формирования макрохроноса. Качественное наполнение определяется степенью реализации потенции рода: активным созданием представителями рода социокультурных, религиозно-философских и экономических доминант.

Исследования *хронотопа рода*, основанные на представительном систематизированном фактическом материале, задают новый вектор в регионологии, в части изучения культуры повседневности – дают возможность «прожитому времени возратить его вкус, его плотность и его событийную ткань» [18, с. 333]. А в конечном счете позволяют сформировать историко-культурологический модуль в истории национальной культуры, выходя в перспективе на создание национальной идеи.

Примечания

1. Васильев, А. Г. Модульный курс «Парадигма памяти» в пространстве современного социально-гуманитарного знания [Текст] / А. Г. Васильев // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 4. – С. 197–200.
2. Бродель, М. Что такое Франция? : Книга вторая: Люди и вещи, ч. 2: «Крестьянская экономика» до начала XX в. [Текст] / М. Бродель. – М. : Прогресс, 1997. – 511 с.
3. Ассман, Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности [Текст] / Ян Ассман. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
4. Юрганов, А. Л. Категории русской средневековой культуры [Текст] / А. Л. Юрганов. – М. : МИРОС, 1998. – 448 с.
5. Ratcliff Marc J. Una historia epistemologica del tiempo: desde la tecnología a las representaciones // Estudios de Psicología. 2002. Vol. 23. No. 1. P. 17–27.
6. Манн, Т. Иосиф и его братья [Текст] : в 2 т. Т. 1 / Т. Манн. – М. : Правда, 1991. – 720 с.
7. Хайдеггер, М. Время и бытие [Текст] / М. Хайдеггер. – М., 1993. – 445 с.
8. Карсавин, Л. П. Философия истории [Текст] / Л. П. Карсавин. – С.-Петербург : АО Комплект, 1993. – 352 с.

9. Ухтомский, А. А. Доминанта души: Из гуманитарного наследия [Текст] / А. А. Ухтомский. – Рыбинск : Рыбинское подворье, 2000. – 608 с.
10. Подробнее см.: Скибинская, О. Н. Sacrum патриархального рода как доминанта в формировании среды провинциального исторического города [Текст] / О. Н. Скибинская // Образы города в горизонте российской динамики : научный сборник. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. – С. 148–157.
11. Злотникова, Т. С. Человек – хронотоп – культура [Текст] / Т. С. Злотникова. – Ярославль : Александр Рутман, 2003. – 172 с.
12. Аксаков, И. С. Письма к родным: 1849–1856 [Текст] / И. С. Аксаков. – М., 1994. – 653 с.
13. Кон, И. Социология личности [Текст] / И. Кон. – М. : Политиздат, 1967. – 383 с.
14. Беньямин, В. Франц Кафка [Текст] / В. Беньямин. – М. : Ад Маргинем, 2000. – 316 с.
15. Философский словарь [Электронный ресурс] // Slovary-Online.ru. – Режим доступа : <http://slovari-online.ru/> от 20.06.2011.
16. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 711 «М. В. Жилова», Оп. 2, Д. 40, Л.11.
17. Лётина, Н. Н. Российский хронотоп в культурном опыте рубежей (XVIII–XX вв.) [Текст] / Н. Н. Лётина : монография. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. – 257 с.
18. Morineau M. Gazettes hollandaises et tresors americains. – "Anuariode historia economica y social", 1969, p. 333. Цит. по Бродель, М. Время мира [Текст] / М. Бродель. – М., 1992. – 680 с.